

А. А. Гируцкий

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ДВУЯЗЫЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНТОЛОГИИ «СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛАРУСИ»)(сост. А. Аврутин. Мн., 2003)

Антология «Современная русская поэзия Беларуси» представляет собой попытку максимально широко представить творчество современных поэтов Беларуси, пишущих по-русски. В нее включены произведения 222 авторов, наиболее ярко зарекомендовавших себя за последние два десятилетия. Среди них известные поэты А. Аврутин, В. Блаженный, С. Евсеева, А. Жданов, И. Котляров, Т. Краснова-Гусаченко, К. Михеев, А. Павловская, Ю. Сапожков, Д. Симанович, А. Скоринкин, Н. Татур, Ю. Фатнев, А. Черная, М. Шелехов и др. Произведения маститых художников слова и успевших проявить себя на поприще поэзии молодых авторов дают представление об особенностях языковых процессов в современной оригинальной русскоязычной поэзии Беларуси, обусловленных двуязычной ситуацией в республике, функционированием двух государственных языков – белорусского и русского. На специфику этих процессов также оказывает влияние историческое родство и тесная связь судеб и культур двух народов – белорусского и русского.

Художественный билингвизм занимает видное место в развитии и взаимообогащении языков и литератур. С тех пор как существует художественная литература, существует и взаимодействие языков в этой области. Оно обуславливается прежде всего закономерностями развития мировой литературы, единством ее литературного процесса. Как справедливо утверждал академик М. П. Алексеев, изолированных национальных литератур не существует, все они «взаимосвязаны то общностью своего происхождения, то аналогиями в своей эволюции, то наличием существующих между ними непосредственных отношений и взаимовлияний, то, наконец, двумя или тремя указанными условиями одновременно в их разнообразных возможных сочетаниях» [1, с. 179]. В равной степени не существует изолированных друг от друга языков. Любой литературный язык развивается не только за счет своих внутренних ресурсов, но и путем взаимодействия и контактирования с другими языками.

Художественная литература – оригинальная и переводная – является одним из путей

проникновения заимствований в тот или иной язык. Употребление иноязычного слова в художественной речи может послужить первым шагом к его закреплению в данном языке, привести к изменению семантического и стилистического объема, функций элементов заимствующего языка, к активизации той или иной словообразовательной модели. Например, употребление в своих произведениях на русском языке А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, А. С. Грибоедовым и другими писателями и поэтами грузинских слов привело к проникновению в русский язык значительного количества грузинизмов. Огромно количество тюркизмов в произведениях русских писателей, связанных с тюркской тематикой, что способствовало закреплению тюркизмов в русском языке. В гоголевский период в русский язык через художественную литературу вошла целая серия украинских слов.

Художественная литература Беларуси также является той сферой, где протекают активные процессы взаимодействия языков и культур. Взаимодействие белорусской и русской культур и языков имеет свои специфические черты в силу общности исторических судеб белорусского и русского народов, генетического родства и близости систем двух языков. Современность наложила на отношения двух народов, культур и языков свой особый отпечаток. Некоторое представление об особенностях этих отношений дает рассматриваемая антология. Следует заметить, что в судьбах ее авторов переплелись, иногда причудливо, две страны – Беларусь и Россия, поэтому авторы антологии не могут не ощущать себя частицей этой общности. Ощущение поэтом духовной общности двух народов неожиданно проявляется в семантическом сближении – почти до полных синонимов – слов *белорус* и *русский*:

Под синим небом белорусским

Познал я радость и беду.

Я – белорус, а значит – русский,

Таким и в небо я уйду.

(А. Геращенко. Я – русский. С. 44)

Другой мотив – сожаление о том, что это уже не та общность, многое разрушено, утеряно:

Мы потому сегодня голь и грусть

И носим в сердце скорбную руину,

Что по-живому разорвали Русь
На Беларусь, Россию, Украину.
(А. Тропин. *Русь*. С. 167)

Этот разрыв проявляется хотя бы в том, что белорус ощущает себя в России уже иностранцем. Словосочетанием *белоруска в Москве*, его повтором, сравнением белоруски в Москве с чайкой в траве, с травой в море, один из авторов антологии подчеркивает это новое восприятие Москвы:

Что за ветры здесь злые – доводят до слез...
А зовут меня так: *белоруска в Москве*.
Белоруска в Москве, белоруска в Москве,
Словно в море трава, словно чайка в траве...
(Т. Дашкевич. *Белоруска в Москве*. С. 52)

Слова *Русь, Россия* являются частотными в антологии. И это закономерно, ибо для многих поэтов, представленных в ней, Россия является родиной. Русских поэтов, живущих в Беларуси, тревожит судьба их первой родины, им кажется, что той России, которую они знали и в которой выросли, давно уже нет:

Разве есть где-нибудь в самом деле на свете
Россия?

Этой станции нет. Верстовые столбы не видны.

Этой станции нет. Очень просто – была и не стало.

Расписание диспетчер исправил спокойной
рукой.

И ослепшее время бушует в стропилах вокзала.
Поезда не уходят в *Россию* – нет больше такой.
(Е. Агина. *Ох, какая тоска здесь бывает в предзимнюю пору...* С. 14)

И это не просто тоска по детским или юношеским годам, проведенным в России и утерянным безвозвратно. Некоторых поэтов тревожит происходящее в современной России:

Не предсказать, не объяснить –
такая боль в извечной сини,
такое деется в *России*,
что лишь слезами говорить.
(И. Котляров. *Вдруг молвлю: «Ой ты гой еси!..»* С. 84)

Высокое слово *Русь* звучит, когда поэты вспоминают славные страницы истории своей родины. Эта же лексема используется для того, чтобы выразить веру в будущее России, в ее способность преодолеть обрушившиеся на нее беды и несчастья:

Мать сыра земля *Русь* баюкает.
Тишиной высот, тишиною вод,
Тишиной полей беспредельною
Мать земля поет колыбельную:
«Ты расти, народ, ты расти, народ,
Ты расти, народ, вечность целую...
А забрезжит день – сны в душе храни.
Дальше снов шагни, *Русь* рассветная...»
Русь в туманах вся спит, смежив глаза.
Никому еще *Русь* неведома...
(Ю. Фатнєв. *То ли пала мгла, то ли ночь светла...* С. 170)

В антологии встречается один раз диалектное название *Расея*. Оно органично вписывается в текст стихотворения, посвященного простому люду:

Царем Алексеем велено гнать в шею,
бить нас батогами, будто собак,
да невдомек ему: не загнать *Расею*
только на молебен, только в кабак.
(В. Грядовкин. *Скоморохи*. С. 49)

Помимо названия русского государства в стихотворениях представлены и другие топонимы, обозначающие названия русских городов, рек, улиц, площадей, сооружений: *Москва, Петербург, Петроград, Питер, Ленинград, Мариуполь, Черная речка, Колыма, Таганка, Садовое кольцо, Сенатская, Дворцовая, Летний сад, Исакий*. Топонимы не только локализируют поэтические объекты, но и содержат в себе эстетическую, культурную, историческую информацию, свидетельствуют об отношении того или иного поэта к обозначенному объекту. Общность судеб и культур белорусского и русского народов иногда может проявиться в столкновении топонимов, например:

Мост, решеток говорок.

Пуха вешнего обнова.

Петербургский уголок

В центре Витебска родного...

Ты из пепла воскресал,

был душе отрадой в бурю.

Ты – как *Витебский вокзал*

На просторах *Петербурга*.

(Д. Симанович. *Мост, решеток говорок...* С. 142)

Широко представлены в текстах антологии имена известных русских писателей, поэтов, литературных героев: *Пушкин, Тургенев, Блок, Фет, Ахматова, Бродский, Высоцкий, Пастернак, Твардовский, Цветаева, Онегин, Татьяна, Печорин, Рудин, Обломов*. Их употребление свидетельствует о тесной связи представленных в антологии поэтов с русской литературной традицией, о бережном отношении к русской литературе.

С теплотой отзываются поэты о Беларуси, которая стала для некоторых из них второй родиной:

А судьбе того казалось мало:

Укоряла – медленно плетусь

К встрече, что фатально предстояла

С таинством названья – *Беларусь*.

Соступила здесь с дороги длинной

Вить гнездо и помнить обо всем.

По-татарски дочь зовется Диной,

Сын по-белорусски – Юрасём.

Беларуси дар – теплом приветить,

К людям обратя и жест, и взгляд...

(А. Черная. *Вместо биографии*. С. 177)

Для многих поэтов антологии Беларусь является их первой и единственной родиной,

дающей им поэтическое вдохновение, поэтому естественно употребление в текстах антологии белорусских топонимов: *Беларусь, Минск, Витебск, Гродно, Днепр, Березина, Свислочь, Беловежская пуща, Высокий берег, Холопеничи, Бабарика, Грушевка*. Белорусские топонимы выполняют в текстах антологии не только различительные и адресные функции. Помимо прямой номинации, они служат опозитизированными наименованиями, часто выступают как символы белорусского края, создают местный, локальный колорит, подчеркивают любовь поэтов к тем местам, где они родились и выросли, как, например, в стихотворении «Беловежской пуще»:

Родные места, снова вас обнимая,
Я слушаю иволги утренний зов.
Колосья полей и тропинка лесная –
Я счастлив безмерно, что с вами я вновь.
Что вырвался на день в родные пенаты
Из мира суетного фальши и лжи...
Гигантов столичных милее мне хаты,
Да шорохи трав, да волнение ржи.
(Л. Лукаш. *Беловежской пуще*. С. 101)

В текстах антологии находит свое отражение и ситуация двуязычия в республике. В рассматриваемых текстах она проявляется в наличии в структуре поэтических произведений определенного количества различных типов белорусизмов: *батька, большак, вертаться, ворог, Дзяды, дзякуй, калі ласка, криница, межа, местечко, мова, недалёко, сбирая, стежка, сыродой, хата, хатенка, хворый, чугушка, Юрась*. Белорусизмы создают специфический национальный колорит, дополнительную смысловую или эмоциональную характеристику образа, выступают действенным художественным средством. Органично представлена белорусская языковая стихия в стихотворениях А. Аврутина. Он является также и переводчиком поэзии с белорусского языка, поэтому тонко чувствует изобразительно-выразительные возможности белорусского слова в русском поэтическом тексте:

И пускай говорят...
Есть у каждого Черная речка!
Есть родимая *стежка* –
одна среди тысяч дорог.
Подарю на прощанье крестьянке
простое колечко
И уйду навсегда в тот простор,
где лишь ветер да Бог...

(А. Аврутин. *Сколько нищих прошло...* С. 7)

Лексико-стилистический белорусизм *стежка*, органически вписанный в глубокий философский смысл стиха, подчеркивает привязанность судьбы поэта к судьбе родной белорусской земли. Мастерски используется поэтом в другом стихотворении лексико-стилистический

белорусизм *межа*, придавая философии стиха экспрессию и лиричность:

Где город мой? Нет города... Чужие
Вокруг остались люди и дома.
И где *межа*? – не проведу *межи* я, –
Кто не сошел, а кто сошел с ума?
(А. Аврутин. *Где город мой?*.. С. 11)

В стихотворении А. Аврутина, представленном в антологии, белорусизм *хатенка* не только подчеркивает убожество жилища, но делает узнаваемой безымянную родину, описываемую в стихе:

Прокурлычет душа над ухабами и косогорами,
Над необранной рожью, что спит в ноздреватом
снегу,
Над столетней старухой, в *хатенке* сидящей за
шторами,
И над спиленным кленом, воткнувшимся в грязь
на бегу...

(А. Аврутин. *Мы пришли и уйдем...* С. 11)

Белорусское слово, таким образом, может выполнять функцию национальной идентификации лирического героя. Единство двух братских народов – белорусского и русского – не отменяет национальной самобытности их языков и культур. Общность судеб не должна мешать их собственному развитию – двуязычие не должно препятствовать развитию *мовы*:

Я буду изгоем в родной стороне
За то, что в краю белорусском
Нелепое счастье даровано мне –
Меня воспитали по-русски.
На русской, шляхетской, хохляцкой крови
Замешана горькая доля –
К родному народу не *ведать* любви
И волю встречать как неволю.
Убитое слово из гроба встает,
Смелее раскройте объятия!
Пусть мова очнется и вечно живет.
(Л. Яковенко. *Возрождение*. С. 195)

Таким образом, анализ антологии подтверждает, что современная русскоязычная поэзия Беларуси развивается в рамках художественного билингвизма и бикультуризма. Это проявляется не только в темах и мотивах творчества поэтов, но и в использовании ими элементов белорусского языка в русскоязычных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии. Секция филол. наук. Л., 1946.
2. Гируцкий А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Мн., 1990.
3. Гируцкий А. А. Языковые особенности русскоязычной художественной литературы Белоруссии // Русский язык в Белоруссии. Мн., 1985. С. 179–199.

SUMMARY

The article analyses the peculiarities of modern Russian language poetry of Belarus. It is noted that

they are defined by bilingual situation in the republic, genetic relationship of both languages – Russian and Belarusian, community of cultures and historical fortunes of belarusian and russian nations.